

Виктор Хенкин

ОДИССЕЯ ШАХМАТНОГО АВТОМАТА

Историческая повесть о необыкновенной судьбе одного изобретения и многих знаменитых и не знаменитых лиц, с ним связанных, в которой автор предпринимает опасную попытку объять необъятное, объяснить необъяснимое, доказать недоказуемое, а также правдиво рассказать о том, что было и чего не было, хотя и вполне могло быть, если бы некоторые обстоятельства тому не воспрепятствовали.

Вольфганг фон Кемпелен. Автопортрет

ПРОЛОГ

Дворец Шенбрунн

В один из августовских дней 1809 года Наполеон играл в шахматы со своим адъютантом генералом Раппом. Австрийская кампания подходила к концу, мирные переговоры затягивались, и французский император томился от скуки в пустынном Шенбруннском дворце, ставшем его резиденцией.

– Фридрих Второй, – сказал он, переставляя всадника с коротким мечом, – не одобрил бы ваших действий, генерал. Вы забываете о флангах.

– Фланги защищает инфантерия, сир. Пока она выстроена в каре, ей не страшна конница, другое дело картечь...

– Пожалуй, – согласился Наполеон. – Но в шахматных армиях такого оружия не существует.

– Слышал я еще в египетском походе, – заметил Рапп, – будто шахматную игру придумали индийские мудрецы, тогда не было артиллерии.

– Зато были боевые слоны, вспомните Ганнибала.

– Во Франции шахматных слонов почему-то называют шутами.

– Бурбоны всегда приближали к себе дураков.

– Они питали слабость и к дамам, – усмехнулся генерал, выводя ферзя.

– И дамы не избежали своей участи. Однако мы играем не дамами и не шутами. Шахматная игра отображает отнюдь не придворные интриги, а войну, и решать ее нужно по правилам военного искусства.

– Филидор утверждал, что главное в шахматах – пешки.

– Это все от Руссо и наших доморощенных энциклопедистов. Однако плох тот полководец, кто жертвует фигурами ради пешек. Я бы, не колеблясь, отдал все пешки за моего храброго Ланна...

Некоторое время играли молча. Наполеон рассеянно передвигал фигуры, о чем-то размышляя, Рапп старался изо всех сил, чтобы не поставить своего августейшего партнера в безвыходное положение. Первым заговорил император.

– Какой-то главный принцип в этой игре должен все же существовать. Помнится – тогда я еще учился в Бриене, – в Париже объявился шахматный автомат, о нем писали в газетах. Побеждал лучших наших игроков. Потом, в кафе «Режанс», мне рассказывали, что он каким-то образом попал к Фридриху.

– В Сан-Суси нам еще доведется побывать, – со значением произнес Рапп.

Наполеон с любопытством посмотрел на генерала.

– Так далеко не рассчитывают даже лучшие шахматисты. А вот на автомат хотелось бы взглянуть.

– Я наведу справки, ваше величество! – встрепенулся Рапп.

Император молча кивнул и поднял глаза на рослого адъютанта. Старый солдат, два десятка ранений, немолод уже, а как браво держится! И ему, Наполеону, скоро стукнет сорок... Откуда-то из глубины всплыл образ юной Марии. Кольнуло под сердце – почему не едет? Заныла раненая нога... Он тоскливо обозрел положение на доске, и ему не захотелось доигрывать партию.

Наполеон Бонапарт (1769-1821)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЕНА

Вена XVIII века

СОТВОРЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

Мария Терезия собой недовольна. Не стоило проявлять любопытство. Ну, слушаются рыбки этого французишку... И пожар на кораблике – эка невидаль! Встречались штучки и позанятнее. Механические человечки, например. Они даже писать умели. Помнится, Кнаус долго и непонятно объяснял их устройство. Но то – фон Кнаус, дворянин, человек благовоспитанный. А этот невежа заладил, как попугай: магическая сила, магическая сила... Дурацкие фокусы!

Императрица сидит за письменным столом и рассеянно перебирает бумаги. Ей уже за пятьдесят. Резко обозначен второй подбородок. Губа отвисает, как у всех Габсбургов в минуты досады. Пелетье, иллюзионист из Парижа, не на шутку заинтриговал ее своими трюками. Она никак не может сосредоточиться.

За окном спокойное августовское утро. Солнечные блики пробивают густую зелень деревьев и, превращаясь в веселых зайчиков, гоняются друг за другом по настенному гобелену. На гобелене, прижав непомерно большие уши, скачет еще один заяц. Но ему не до веселья. Две длинно-мордые борзые с тонкими, как у балерины, талиями жадно дышат за его спиной.

Мария Терезия листает бумаги. Какие у нее на сегодня дела? Ах, да! Мария Антуанетта... Бедняжка, ей нет и пятнадцати. А Людовик, говорят, туп и ленив. Зато невеста – хоть куда. Она этими французами повертит... Колье, конечно, восхитительное. Да и цена немалая! Придется все же купить, Париж стоит мессы... А это что? Прусский посол просит об аудиенции. Опять Фридрих что-то затеял. Фельдфебельский отпрыск. Терпеть она его не может! Покойный Франц с ним тоже не ладил. Теперь все легло на ее плечи...

Взгляд задумчиво скользит по гобелену. Интересно, а спасся бы заяц, если бы француз наслал на собак молнию? Она пытается представить, как бы это произошло. Солнечные лучи на мгновение сливаются в огненный бич. Борзые вспыхивают, как кораблик. Мария Терезия зажмуривается. Пресвятая Дева! Наваждение какое-то. Лезет в голову всякая чепуха... И рука сама тянется к шнуру.

Радостно трепещет разбуженный колокольчик. В дверях застывает сухопарая фигура барона Нэни.

- Чем занимается Кемпелен?
- Он в Прессбурге, ваше величество.
- Пусть едет в Вену!

Шел 1769 год. Над миром витал дух просветительства. Великие ученые дарили человечеству великие мысли. Европой правили просвещенные монархи. Но до просвещенности было далеко. Знание соседствовало с невежеством, роскошь – с нищетой, закон – с бесправием.

Уже существовала космогоническая гипотеза Канта, Бюффон закладывал грандиозное здание естественной истории Земли, Руссо размышлял о причинах социального неравенства, а на кострах инквизиции все еще пылали бессмертные творения Спинозы, Декарта, Вольтера, «Энциклопедия» Дидро и Даламбера – средоточие знаний и опыта.

Удивительным открытиям и изобретениям сопутствовали не менее удивительные обманы и заблуждения. Лавуазье превращал химию в точную науку, Франклин разрабатывал унитарную теорию электричества, Уатт конструировал паровые машины, а тысячи одержимых затворников тратили свою жизнь на поиски вечного двигателя, философского камня, эликсира вечной молодости.

Вера в беспредельные возможности разума уживалась с мистицизмом и суеверием, порождая авантюристов всех мастей – от «экспериментаторов натуральной магии» до «властителей царства тьмы». Толпы иллюзионистов бродили по Европе, демонстрируя блистательные, порой ошеломляющие трюки. Они использовали новейшие достижения науки и техники, а иногда и опережали их. Они жаждали богатства, славы, приключений, были искусными механиками, талантливыми артистами – истинными детьми своего века, когда шарлатанство граничило с гениальностью, а дерзость оплодотворяла мечту.

А пока Кемпелен мчится из Прессбурга в Вену. Степной воздух пьянит настоями трав. Сгорбившиеся деревушки отзываются в сердце затаенной болью. Когда-то сюда доходили куруцы, сражаясь за свободу Венгрии... Он задергивает шторку. Так спокойнее.

Он привык к дорогам. Вечно приходится куда-то трястись. То на соляные копи, то в Буду, то в Темешвар. Но чаще всего в Вену. Хорошо, что он едет в Вену. Господин Шульц, механик с Пратера, обещал присмотреть для него токарный станок. Чертовски дорого стоят нынче эти вещи!

Друзья удивляются: когда он выкраивает время для работы? Чудаки! Главная работа человека – думать. Вот и сейчас в его голове роятся десятки идей. И начнет он с канала. Императрица любит грандиозные проекты, хотя по обыкновению кладет их под сукно... И мысль уже течет широко и свободно, как величавые воды Дуная, красавицы реки, которую он мечтает обручить с ласковым Адриатическим морем.

Габсбургская монархия была огромным, богатым, но бестолковым государством. Сотканная из немецких, венгерских, чешских, словацких, итальянских и других земель, она не имела даже определенного названия и в официальных протоколах обозначалась неуклюжим выражением «Наследственные владения Дома Габсбургов». «Дом» брал свое начало с XII века, а «наследственные владения» образовались в результате завоевательных войн и сложных династических комбинаций.

Громоздкостью отличалась и пирамида верховной власти. Мария Терезия, эрцгерцогиня Австрии (примерно в ее нынешних территориальных пределах), была одновременно королевой Венгрии и Чехии, а ее супруг Франц I Стефан – императором Священной Римской империи германской нации. Это претенциозное и, в общем-то, искусственное образование, созданное еще в X веке германским королем Оттоном I,

включало в себя как владения Габсбургов, так и многие самостоятельные государства, главным образом немецкие. С XV века титул императора могли носить только наследники Габсбургов по мужской линии. Но Карл VI (1685-1740), отец Марии Терезии, не имел сыновей, и ему пришлось приложить поистине титанические усилия, чтобы возвести на австрийский престол дочь, а зятю передать корону римских императоров. После смерти Франца I (1765) ее унаследовал старший сын Иосиф II, который стал также соправителем матери в делах Габсбургской монархии.

Многонациональное государство Габсбургов время от времени сотрясали волнения и восстания, но оно сохраняло прочность благодаря общим экономическим интересам народов Придунайского бассейна, их солидарности перед извечной угрозой турецкого нашествия. На протяжении трех столетий Австрия прикрывала Европу военным щитом, принимая на себя главные удары разбойничьей Османской империи. Героическая оборона Вены в 1683 году вошла в историю как одно из самых кровопролитных сражений. Но во второй половине XVIII века турки уже не казались столь грозными, они все больше увязали в войнах с Россией, из которых самой для них неудачной была кампания 1758-1774 гг., развернувшаяся на Балканах, в Крыму и Закавказье – на суше и на море. «Я подпалила Турцию с четырех сторон», – писала Екатерина II после победы русского флота в Чесменском бою (1770).

Теперь главной заботой Габсбургов стало сохранение их владений в «европейском доме», где роль «архитектора перестройки» взял на себя прусский король Фридрих II с его непомерными аппетитами. Хотя Королевство Пруссия (до 1701 г. – Курфюршество Бранденбург) входило в состав Священной Римской империи, ее правители из династии Гогенцоллернов с этим ничуть не считались и боролись с Габсбургами всеми доступными средствами, в том числе и военными. Развязанные Фридрихом II конфликты переросли сначала в так называемую войну за Австрийское наследство (1740-1748), а затем в Семилетнюю войну (1756-1763) и позволили Пруссии заметно расширить свою «жилплощадь», не в последнюю очередь за счет Габсбургов. Борьба шла и за влияние в мелких немецких княжествах, коих по всей Германии насчитывалось более трехсот, не считая вольных имперских городов. И уже не столько турок, сколько коварного Фридриха опасались австрийские монархи. «Это гений, – сказал Иосиф после встречи с прусским королем в 1769 году, – говорит он чудесно, но в каждом слове его проглядывает плутовство». «Плутовство» подкреплялось весомыми аргументами: Пруссия держала под ружьем прекрасно вышколенную многотысячную армию.

Застарелая вражда с Францией создавала угрозу и рейнским владениям австрийских императоров. Но здесь Марии Терезии удалось разыграть любимую габсбургскую карту – она сосватала свою юную дочь Марию Антуанетту за наследника французского престола, будущего короля Людовика XVI, породнившись таким образом с Бурбонами.

Опасности, со всех сторон подстерегавшие Австрию, заставили ее искать сближения с Россией. Они уже были союзниками в войне с Турцией (1735-1739) и в Семилетней войне против Пруссии, однако на сей раз переговоры осложнялись взаимной неприязнью двух императриц. Добропорядочная Мария Терезия открыто осуждала Екатерину за ее любовные связи, а та платила австрийской императрице язвительными насмешками насчет отсутствия «желающих». Только Иосифу с его умом и тактом удавалось сглаживать отношения между Веной и Петербургом, переводя их в русло государственных интересов. В конце концов, обе столицы сошлись на разделе Польши (1772), пригласив в свою компанию и третью – Берлин. Таково было в общих чертах геополитическое положение империи Габсбургов во второй половине XVIII века. Да и вся Европа жила в тревожном ожидании грядущих событий. «Государь, брат мой...», «Государыня, сестра моя...», – рассыпались во взаимных любезностях коронованные правители. Но монархи друг другу не доверяли, и были правы. Еще не зажили обиды, нанесенные кровопролитной Семилетней войной, еще носили следы бомбардировок города, еще бродили по дорогам бездомные калеки, а в солдатских казармах уже снова грохотали барабаны, и штабные карты пестрели жирными стрелками превентивных ударов. Зыбкое равновесие держалось на тайных союзах, столь же непрочных, как и государственные границы.

Марию Терезию с детства готовили к власти, она получила истинно мужское воспитание. По-своему неглупая, рассудительная, энергичная, но, в общем-то, недалекая женщина, императрица умела окружать себя умными людьми и прислушиваться к их советам. Необходимость в радикальных реформах назревала давно, и Мария Терезия приступила к их осуществлению. Были изданы законы, направленные на усиление центральной власти, укрепление армии, упорядочение финансов, поощрение промышленности, торговли. Но производительные силы страны приходили в движение крайне медленно. Общественное развитие Австрии еще не созрело для решительных перемен. Деловая активность была невысока даже в столице. Вена привыкла жить музыкой, театрами, легкомысленными развлечениями. Вот идиллическая

Франц I Стефан и Мария Терезия со своими многочисленными детьми – эрцгерцогами и эрцгерцогинями

картина тех времен: император Франц играет на скрипке, императрица Мария Терезия поет, аккомпанируя себе на клавесине, а их юная дочь Мария Антуанетта танцует менуэт...

Страна нуждалась в предпринимателях, инженерах, ремесленниках, а рождала артистов. Стране нужны были ученые, изобретатели, механики, а она выдвигала музыкантов. Но зато – каких! Кристоф Виллибальд Глюк, Йозеф Гайдн, Вольфганг Амадей Моцарт – эти имена стали гордостью всего человечества. Классическая школа, созданная и выстраданная австрийскими композиторами, на многие поколения определила пути музыкального творчества.

Кемпелен не посвятил себя музыке, он стал смелым инженером, неутомимым изобретателем, искусным механиком, словом, тем человеком,

которых так не хватало империи. Образ его, преломившись в кривом зеркале истории, дошел до нас искаженным, гротескным. Давно пора восстановить справедливость. В ряду выдающихся людей XVIII века Фаркаш Кемпелен должен занять достойное место.

Итак, Кемпелен в Вене. Мария Терезия встречает его вопросами. Что нового в Прессбурге? В Банате? Какие у него планы?

Кемпелен деловит, лаконичен, собран. Благодарю вас, ваше величество. Прессбург процветает. Банат возрождается из пепла. Планы? Пора, решает Кемпелен. Атака – лучшая защита. Как в шахматах. И он излагает проект канала. Морской порт. Флотилия. Пристани.

– И Адриатика плещется у ваших ног, – эффектно заключает он.

– А деньги? – спрашивает императрица.

С этим похуже. Но Кемпелен полон оптимизма. Он говорит о новой налоговой реформе. Казна должна пополниться.

– А армия? – продолжает Мария Терезия. – Вы же не хотите, чтобы нас проглотили турки?

Кемпелен этого не хочет, но он хочет, чтобы был сооружен канал. И красочно рисует перспективы. Торговля. Развитие мануфактур. Рост доходов. Когда? Разумеется, в будущем.

– В будущем, – вздыхает императрица. Она вспоминает, во что обошлось кольцо для дочери. Деньги нужны сейчас.

Тема исчерпана. Кемпелен почтительно замолкает. К осечкам он привык. Но это не отказ. Подождем до лучших времен. Настроение монархов переменчиво.

– А не могли бы вы, милейший Кемпелен, объяснить фокусы этого, как его там, Пелетье, что ли? – вдруг спрашивает Мария Терезия.

Вопрос нелепо повисает в воздухе.

Так вот из-за чего он мчался, загоня лошадей!.. Кемпелен еле сдерживает улыбку.

Пелетье? Да, он о нем слышал. То ли естествоиспытатель, то ли иллюзионист, их нынче не разберешь. Рыбки? Ах, ваше величество, сущий пустяк! Рыбки деревянные, правда, сделаны весьма искусно. Как живые. В головках у них кусочек железа. А в рукаве у фокусника спрятан магнит. Вот рыбки и плывут за его рукой. Пожар на кораблике? Проще простого. Лейденская банка. Ну, такая фляга с химическим раствором. Опаснейший снаряд! Словом, электричество. Искусственная молния.

Пелена таинственности спадает с одного чуда за другим. Мария Терезия разочарована. Только-то? Вот уж поистине пустяк! А она мучилась, ломала голову...

Господи, думает Кемпелен, и эту женщину Европа называет мужественной, а венгры окрестили «королем»! Народила шестнадцать детей, а сама любопытна и наивна, как ребенок. Да и француз хорош! Приехал с дешевыми трюками, словно в провинцию. Рыбки... Магнит... Магнетизм... И внезапно, как вспышка молнии в лейденской банке Пелетье, в воображении Кемпелена возникает пока еще расплывчатый, но дерзкий замысел.

– Ваше величество, я мог бы предложить вам нечто более интересное...

– А что это будет? – уже улыбается императрица. Неистощимая фантазия собеседника ей известна.

– Удивительная фигура.

Мария Терезия вспоминает покойного мужа. Франц очень любил заводные игрушки, даже сам мастерил их. Как жаль, что он уже далеко... Она горько вздыхает и становится строгой.

– Ловлю вас на слове, Кемпелен. Сколько времени вам понадобится?

– Полгода, ваше величество, – говорит он наобум, уже сожалея о своей горячности.

– Хорошо. Но знайте: я жду такую фигуру, которой никто и никогда не видел...

Кемпелен проходит через анфиладу комнат.

– Какой сегодня день? – спрашивает он у дворцового.

– Суббота, 15 августа.

В эту ночь на дикой Корсике Летиция Буонапарте родила сына.

Кемпелен садится в карету.

– Куда прикажете? – оборачивается кучер.

– В Пожонь!

На современной карте Европы вы не найдете такого города. Когда в XIII веке Словакия подверглась немецкой колонизации, многие поселения переименовывались. Древняя Братислава стала Прессбургом. В Австрийской империи Прессбург был столицей Венгерского королевства, а венгры называли его Пожонь. Здесь 23 января 1734 года в семье Энгельберта Кемпелена родился мальчик, которого нарекли Фаркашем.

С раннего детства страстью Фаркаша была механика. Целыми днями возился он в своей комнате, разбирая все, что разбирается. Мастерил игрушки, читал о новых изобретениях. Прослушав курс лекций по философии и праву в Венском университете, юноша отправился в Италию, где изучал античную культуру, знакомился с искусством Ренессанса. Ему шел двадцать второй год, когда он возвратился на родину. Широко образованный молодой человек свободно владел

восемью языками, мечтал посвятить себя науке. Как не хотелось ему служить в придворной канцелярии! Но то была воля отца, и Фаркаш подчинился.

Молодого Кемпелена приняли в Вене приветливо, но ему, как и полагалось, пришлось держать экзамен. В те времена в Австрии еще действовали законы Священной Римской империи, изложенные на латыни. С заданием перевести их на немецкий Фаркаш справился за несколько дней. Рецензенты не поверили глазам: самый сложный, запутанный текст был переведен безукоризненно. Вопрос о назначении решился незамедлительно. Перед отъездом Кемпелен в числе других чиновников присутствовал на приеме в резиденции императрицы. Мария Терезия милостиво кивала молодым людям, зачисленным на государственную службу. Казалось, никто не был выделен особым благоволением. Но на одном назначении сохранилась собственноручная надпись императрицы: «Венгерская придворная палата много приобретет в лице молодого Кемпелена». Она не ошиблась.

Через год Кемпелен получил должность секретаря Венгерской придворной палаты, через два – чин придворного советника, вскоре стал инспектором, а затем управляющим соляной промышленностью, составившей имперскую монополию.

Ему не исполнилось еще и тридцати, когда Мария Терезия назначила его своим эмиссаром в Банате. Эта юго-восточная область вошла в состав Габсбургской империи в 1713 году после войны с Турцией. Через двадцать лет она вновь подвергалась нападению, но осталась за Австрией. Край был разорен, повсюду орудовали разбойничьи шайки. Кемпелен решительно взялся за дело. За ним охотились, он попадал в засады, участвовал в стычках. В короткий срок восстановив законность, он начал приводить в порядок рудники, возрождать ремесла, торговлю, а пустующие земли предложил заселить венгерскими крестьянами. Императрица дала согласие. Среди тех, кто принял землю из ее рук, она рассчитывала найти оплот на юго-восточных границах государства. За десять лет наделы в Банате получили 40 тысяч венгерских семей.

Таланты и усердие своего придворного советника Мария Терезия сумела оценить по достоинству. Он был посвящен в рыцари Священной Римской империи, затем стал наследственным бароном де Пазманд и именовался теперь Вольфгангом фон Кемпеленом. Под этим именем он вошел в историю.

Анна Мария старается не беспокоить мужа. Вот уже несколько месяцев Фаркаш поглощен какой-то работой, и она не пристаёт с рас-

спросами. Придет время – сам расскажет. Вообще-то он не любит распространяться о своих делах. Буркнет что-нибудь неопределенное – понимай как знаешь. В последние дни к нему и вовсе не подступиться. Поднимается чуть свет – и в мастерскую. Даже обед туда носят. Слуги рассказывают: господин точит, сверлит, а Антон плотничает. Антон ей нравится. Он уже давно мужу в работе помогает, совсем своим стал. Вот и сейчас вместе за столом сидят. Хорошо хоть, ужинают по-человечески.

– А не пропустить ли нам по стаканчику доброго старого вина? – говорит Кемпелен, окидывая взглядом царство снеди.

Первозданной свежестью дышат ломтики козьего сыра, призывно зеленеют корнишоны, ароматно дымится гуляш...

Кемпелен сидит в шлафроке, скрестив под столом длинные ноги. Взлохмаченные волосы мечтают о гребенке, залысины подчеркивают высокий лоб, глаза смеются и не смеются.

– А что, есть повод? – спрашивает Анна, уловив какой-то скрытый смысл в интонации мужа,

– Повод? Ну конечно же! – обрадованно восклицает Кемпелен, будто давно подыскивал нужное слово. – День рождения!

– Уж не твой ли, Антон?

Антон качает головой и смущенно ерзает на стуле, не зная, куда деть большие, в садинах, руки. Кемпелен беззвучно смеется.

– Ничего смешного не вижу! – притворно обижается Анна, сдвигая тонкие брови.

– Антон позабавил. Головой мотает, как тот...

– Кто?

– Тот, кто родился.

– О ком это вы?

– О том, кто наверху.

– А вы случайно не того?..

Анна крутит пальчиком у виска.

– Гм-м, вопрос, может, и уместный... Но сегодня у нас в самом деле день рождения.

– Перестаньте меня разыгрывать! – машет рукой Анна. Семь лет они женаты, а она никак не свыкнется с манерой мужа – шутит он или говорит всерьез.

– А мы вовсе и не разыгрываем. Напрасно, что ли, в мастерской пропадаем! Вот кое-что и сотворили. Ведь сотворили, Антон?

Антон пожимает плечами.

– Нет, ты скажи.

– Чертовщину сотворили, вот что! – выпаливает Антон.

Анна укоризненно смотрит на мужчин.

– Антон пошутил, – невозмутимо продолжает Кемпелен. – Мы создали человека.

В нашем доме ничему удивляться не следует, думает Анна. Тереза-то еще под стол пешком ходит, а отец ей таких игрушек наместерил, что весь Пожонь глазеть сбегается. Одни, как зайцы, прыгают, другие мычат, как коровы. Но человек...

– Что ж вы новорожденного не покормите? Наверное, проголодался, бедняжка, – произносит она елейным голоском.

Мужчины переглядываются.

– Недурная мысль... Позовем его, Антон?

– Не пойдет.

– Тогда отправимся к нему сами. Как это у них водится? «Если гора не идет к Магомету...»

– Может, не стоит?

– Нет уж, – капризно возражает Анна, – сами начали!

– Хорошо, – решает Кемпелен, беря свечку. Кто-то должен быть первым...

Они поднимаются по лестнице. Кемпелен долго возится с ключом, отпирая мастерскую. Анна уже понимает, что это не шутка. Гулко стучит в груди молоточек. Что-то противное шевелится между лопатками.

– Входи же, Анна!

Глаза не сразу привыкают к полумраку. Вначале она различает, вернее, угадывает очертания знакомых предметов. Верстак, токарный станок, стол, заваленный чертежами... И вдруг неверный свет извлекает из глубины комнаты нечто, заставляющее вздрогнуть и прислониться к дверному косяку. Прямо на нее немигающим взглядом уставился призрак, которым ее пугали в детстве. Усилием воли она пытается прогнать видение, но оно не исчезает. Оно увеличивается в размерах и вот уже заполняет собой все пространство... Дурнота подступает к горлу, предательски подгибаются колени.

Кемпелен бросается к жене, подхватывая ее обмякшее тело.

– Уйдем отсюда, – шепчет Анна.

В столовой, оправившись от испуга, она с тревогой говорит мужу:

– Не нажить бы беды, Фаркаш!

Кемпелен и сам взволнован, но старается не подать вида.

– Успокойся, дорогая. Игрушка как игрушка. Вот покажу ее в Вене, а потом упрячу.

– Может, лучше не показывать?

– Не могу. Императрица упряма. Уж если что взяла в голову, не отступит. Да я и сам обещал...

- Когда поедешь?
- В среду.
- Храни тебя Господь! – И она осеняет мужа крестным знамением.

Зима 1770 года выдалась морозной. Февраль еще дышал северными ветрами, но в жарко натопленных залах Хофбурга было уютно и весело. Венский двор шумно развлекался, радуясь собственной беззаботности. Устраивали концерты, слушали итальянские оперы, играли в карты; в моду входил пикет. Бывал во дворце и Кемпелен, приехавший из Прессбурга. Мария Терезия делала вид, что забыла о его обещании, но однажды не выдержала и будто невзначай спросила: «Где же сюрприз?» – «Если вашему величеству угодно...» Ее величеству было угодно.

Смеркается. Туман бесшумно крадется по венским улочкам. Голые деревья скребут небо. Серая громада Хофбурга притаилась дремлющим драконом.

Цокот копыт разрывает тишину. Во внутренний дворик въезжает карета. Слуги выносят громоздкий ящик, осторожно поднимают его по лестнице, укрывают в боковой комнате.

А из смежного зала уже доносится музыка. Все в сборе, ожидают императрицу. Приглашены только близкие к трону, но и их набралось по-

Дворец Хофбург в Вене. Здесь в феврале 1770 года прошла первая из известных нам демонстраций шахматного автомата Кемпелена

рядком. Светские разговоры. Что дают в «Кертнерторе», «Ан дер Вин»? Стоит ли приглашать в Вену Лессинга? Не шарлатан ли доктор Месмер, лечащий больных магнетизмом? Склоняется и имя Кемпелена: каков хитрец, делает карьеру.

Но вот музыканты опускают смычки, церемониймейстер хорошо поставленным голосом возвещает о появлении царственных особ. Марию Терезию сопровождают старший сын Иосиф, эрцгерцогини. В зале легкое движение, поклоны, реверансы, шелест платьев, вееров.

Над двумя тронами – символы высшей власти. Мария Терезия восседает под чешским и венгерским гербами, над Иосифом распростер крылья римский орел. Императрица подает знак: можно начинать.

Мария Терезия (1717-1780)

Вперед выходит Кемпелен. Он выглядит торжественно-строгим. Малиновый камзол с золотым шитьем плотно облегает плечи. Кружевной пеной колышется пышное жабо. Глаза горят бесовским огнем.

– Ваше величество! Я выполнил повеление и сделал машину, какой еще не было на свете.

Распахиваются двери. В зал медленно ввозят странное сооружение. Оно задрапировано пурпурным покрывалом и напоминает памятник перед открытием. Оно катится на роликах, как клавесин, и останавливается неподалеку от трона. Театральным жестом Кемпелен ловко сдергивает тяжелую ткань.

За небольшим деревянным сундуком сидит турок, облаченный в яркий восточный наряд. Его голова, покрытая тюрбаном, чуть опущена, глаза уставились на шахматную доску с массивными фигурами. Белыми и красными. Правая рука лежит на сундуке, левая сжимает длинную тонкую трубку. Кажется, турок вот-вот примет ее раскуривать. Но турок недвижим. Это кукла. Манекен.

– Фигура играет в шахматы! – торжественно объявляет Кемпелен, оглядывая собрание.

– Но с кем? – раздается иронический голос герцога Сальм-Сальма. – Сама с собой?

– С любим, кто отважится.

– Это немыслимо!

Мария Терезия изображает улыбку.

– Господа, кто примет вызов?

От дальней колонны отделяется молодой человек в синем камзоле.

– Если ваше величество позволит...

Мария Терезия кивает.

Молодой человек подходит к шахматному истукану. Слуги стоят, разинув рты. Они забыли о своих обязанностях. Кемпелен подвигает стул.

– Турецкий паша ждет своего противника!

– Кто это? – нагибается к соседке князь Кауниц, да так резко, что едва не врежется носом в глубокое декольте.

– Сын графа Кобенцля, – шепчет дама.

Кемпелен отбирает у турка трубку, подкладывает под его руку подушечку из красного бархата, достает узорчатый ключ, вставляет его в переднюю дверцу, заводит пружину.

Турок оживает! Голова его начинает поворачиваться из стороны в сторону, словно оглядывая доску. Он медленно поднимает левую руку, захватывает королевскую пешку, переносит ее на два поля и вновь замирает в ожидании.

Герцог Сальм-Сальм вскакивает с места. Иосиф поглаживает эфес шпаги. Пухлые пальцы Марии Терезии впились в подлокотники трона. Придворный этикет угрожает дать трещину. Церемониймейстер зажмуривается.

Кобенцль сохраняет спокойствие, но его выдают руки. Он тербит галстук, долго не решается выбрать ответный ход.

Пламя стоящей на сундуке свечи вздрагивает при каждом движении механической руки, подчеркивая фантастичность поединка. Слышатся легкий стон пленной пружины, скрежет узлов, сочленений. Все взоры прикованы к турку. Его деревянное лицо лишено мысли. Это кукла, отталкивающая и притягивающая своей бесстрастностью. Но кукла играет в шахматы! Как человек. Как Кобенцль.

Турок играет быстро. Он почти не задумывается над ходами. Молодой граф с изумлением смотрит на деревянного соперника. Да у него самого руки как деревянные. Капли холодного пота выступили на лбу. На десятом ходу он оставляет под ударом слона. Турок на мгновение замирает.

– Смотрите, машина думает! – срывается на крик чей-то голос.

Его преосвященство кардинал неодобрительно хмурится. Мария Терезия перехватывает тяжелый взгляд князя церкви. На миг и она теряет самообладание.

– Господи, что же это?.. Кемпелен, вы – колдун!

Зал дрожит натянутой тетивой. Карающая стрела готова пронзить оборотня. Вот-вот прогремит небесный гром, серный дым окутает стены дворца, разверзнется земля и тот, кто выдавал себя за Кемпелена, исчезнет в преисподней...

Но ничего не происходит. Кемпелен стоит, как и стоял, заложив руки за спину, высокий, поджарый, чуть насмешливый.

Турок снимает с доски слона и три раза кивает головой. Кобенцль вопросительно смотрит на изобретателя.

– Это означает, что вам шах, – говорит Кемпелен. – И мат, – добавляет он с извиняющейся улыбкой.

Молодой граф резко поднимается со стула. Краска заливает лицо. Под пудренным париком оно выглядит пунцовым.

– В сундуке спрятан человек! – гневно восклицает он.

Одобрительный гул. Зрители словно очнулись ото сна. В колдовство больше не верят. Найдено объяснение. Обман. Детский фокус.

Кемпелен молча подходит к сундуку, распахивает дверцы, поворачивает его во все стороны, провозит по залу для обозрения. В правом отделении – зияющая пустота, левое заполнено колесиками, передачами, цилиндрами. Механическое чудо безупречно.

Представление окончено. Слуги увозят фигуру. Мария Терезия покидает собрание. Проходя мимо Кемпелена, императрица шутливо грозит ему пальцем:

– Жду вас завтра, волшебник!

Иосиф прячет снисходительную улыбку.

Сверкая белоснежными плечами, юностью и бриллиантами, перед Кемпеленом возникает Мария Антуанетта.

– Я расскажу о вас в Версале!

Монаршая милость – сигнал к восхвалению. Придворные окружают героя. Отовсюду слышатся поздравления: гениальное изобретение, высочайшее искусство, торжество науки! Звучат имена Архимеда, Леонардо, Ньютона... Пожилые сановники понимающе кивают головами: механика! Молодые вельможи бросают завистливые взгляды: какой успех! Благородные дамы держатся поодаль: бог знает, чем все это закончится...

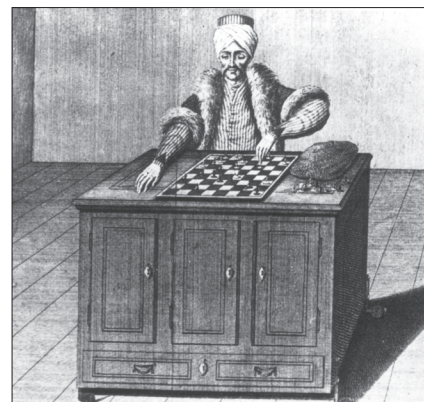
Разговоры тонут в звуках менюэта. Слуги разносят напитки. Игроки спешат к ломберным столикам. Дамы и кавалеры выстраиваются парами, плавно двигаясь в такт льющейся мелодии.

Стараясь не привлекать к себе внимания, Кемпелен пробирается к выходу. Он не видит, как тучный прелат в лиловой сутане встречается взглядом с бледным молодым человеком, затерявшимся в толпе придворных. Молодой человек по-кошачьи мягко склоняется в почтительном поклоне. Над его левой бровью перезрелой вишней выступает родимое пятно.

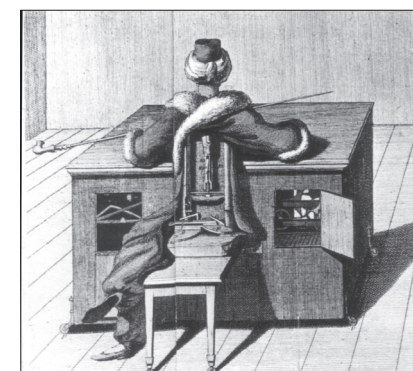
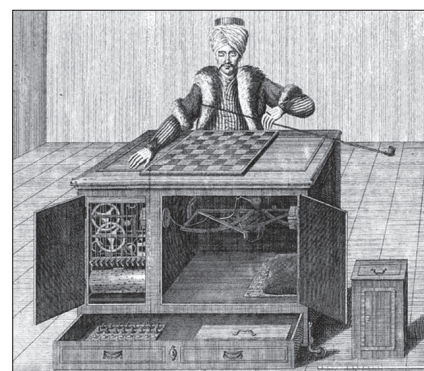
Почему Кемпелен избрал предметом своих таинственных экспериментов шахматы? Чем вообще были шахматы во второй половине XVIII столетия?

Благородной игрой, воспетой поэтами и мудрецами, приятным досугом, страстным увлечением одиночек. Искусство игры в шахматы высоко ценилось нашими предками, но сама игра еще не вышла из младенческого возраста и нетвердо держалась на ногах. Представления о законах, которым она подчинялась, были наивны, знания – ничтожны. Шахматисты блуждали в дремучем лесу иллюзий, общий уровень игры был крайне низок.

Да и мастеров можно было пересчитать по пальцам. Большие расстояния, плохие дороги, неудобный транспорт ограничивали и без того непрочные международные связи, которые к тому же постоянно прерывались пограничными шлагбаумами и войнами. Длительное путешествие ради шахматных встреч могли позволить себе только состоятельные люди или шахматные дон-кихоты. Многие талантливые игроки, не

Шахматный автомат Кемпелена. Три гравюры, выполненные рукой Кемпелена для книги Виндиша

имея достойных партнеров, варились в собственном соку, прозябали в безвестности.

Но, несмотря на все препоны, шахматы настойчиво пробивали себе дорогу, как ростки из-под камня. «Королевская игра» перестала быть игрой королей. Она перешагнула высокие стены дворцов и все решительнее завоевывала место в жизни людей. В разных городах и странах создавались шахматные кафе, клубы, собрания. Выходили книги.

Широкой известностью пользовалась так называемая «Парижская тетрадь» Джоакино Греко (1600-1634), прозванного Калабрийцем (по области в Италии, откуда он был родом). Увидевшая свет в Лондоне (1656) уже после смерти автора, она затем переиздавалась на французском, немецком и голландском языках и почти столет служила учебным пособием по шахматам в европейских странах. Популярной была книга сирийца Филиппа Стаммы, вышедшая в

Париже в 1737 году под весьма претенциозным названием: «Опыт шахматной игры, содержащий правила, чтобы хорошо играть и добиваться выгоды посредством тонких ходов, которые можно назвать секретом в этой игре». Книга содержала 100 позиций, в которых сторона, на первый взгляд терпящая бедствие, достигала выигрыша неожиданной комбинацией.

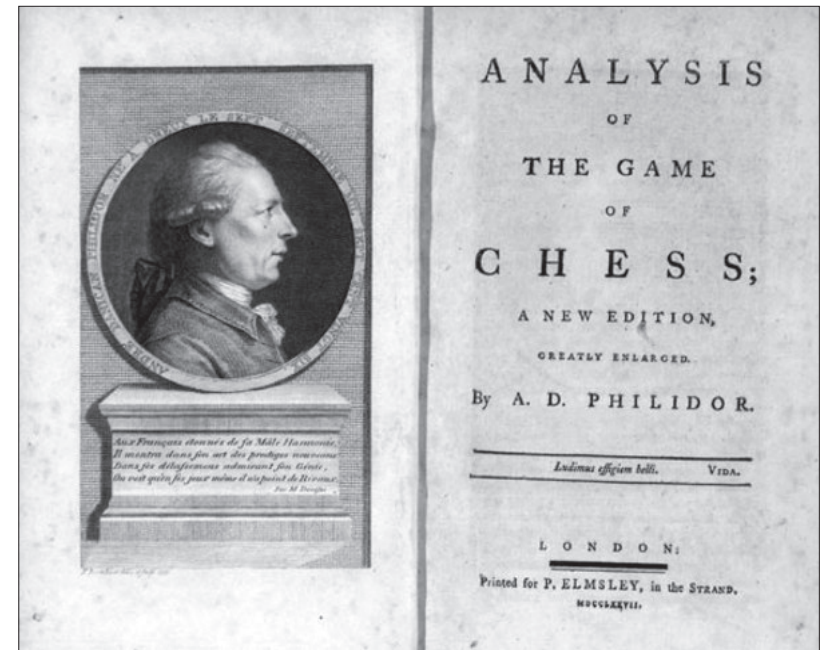
Но всех превзошел Франсуа Андре Даникан Филidor (1726-1795), сильнейший шахматист Европы и выдающийся композитор, один из создателей французской комической оперы. Его «Анализ шахматной игры» (Париж, 1749) произвел переворот в умах современников, помог расставить в безбрежном океане вариантов надежные маяки стратегических законов. основополагающий принцип Филидора «Пешки – душа шахмат» стал девизом для нескольких поколений шахматистов. За сто последующих лет книга выдержала более 40 переизданий, была переведена почти на все языки мира. На русском она увидела свет лишь в XXI веке.

В Венгрии, где родился и жил Кемпелен, умение играть в шахматы считалось признаком хорошего воспитания. Первая книга о шахматах на венгерском языке вышла в Буде и называлась «Правила королевской шахматной игры». На 37 страницах небольшого формата анонимный автор знакомил своих соотечественников с азами древней игры. Единственный уцелевший экземпляр хранится в Будапештской библиотеке имени Сечени.

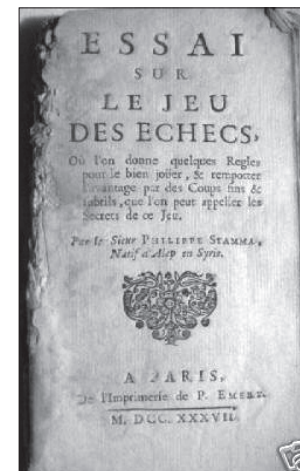
Административным и культурным центром Венгерского королевства в XVIII веке был Пожонь. Антал Фабер, первый венгр, писавший о шахматистах, сохранил для истории имена лучших пожоньских игроков, современников Кемпелена. Это Лукаш, Воглер, Абафи и польский еврей Шах-Давид, прозванный так за успехи в игре. Сильнейшим, однако, считался профессор Юркович.

Что Кемпелен был хорошо знаком с шахматами, сомневаться не приходится, иначе мысль о шахматном автомате ему бы вообще не пришла в голову. Да и многие реквизиты демонстрации, дошедшие до нас реплики и высказывания самого Кемпелена характеризуют его как весьма эрудированного шахматиста. Не исключено, что во время своего путешествия по Италии (1753-1755) он встречался со знаменитыми моденскими мастерами Эрколе дель Рио (ок. 1720-1800), Джамбатистой Лолли (1698-1769) и Доменико Лоренцо Понциани (1719-1796); его путь на родину пролегал через герцогство Модена.

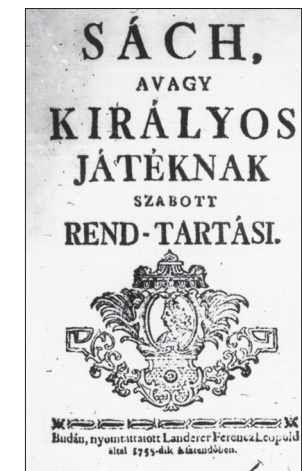
Впрочем, не будем делать из Кемпелена гроссмейстера. Чтобы определить особое место шахмат среди других игр, не нужно было обладать

Филidor. Анализ игры в шахматы

Филипп Стамма

Первая книга о шахматах на венгерском языке, изданная в Буде в 1755 году

высоким мастерством, шахматы издавна считались «пробным камнем для ума», как о них устами своей героини отозвался в драме «Гец фон Берлихинген» великий Гете.

БОЛЬШАЯ ИГРА

Чудо, рожденное при австрийском дворе, польстило монаршему самолюбию Марии Терезии, однако не было утолено ее женское любопытство. Если невинные шутки Пелетье вызвали столько вопросов, можно представить, как поразил ее Кемпелен. Она с нетерпением ожидала его в Хофбурге.

Кемпелен стоит перед императрицей. Мария Терезия делает вид, что поглощена важными бумагами. Старый прием! Ожидающий должен глубже прочувствовать свою зависимость. Он незаметно оглядывается. Секретер, диванчик, несколько стульев, цветы в напольной вазе... Здесь все округлое, миниатюрное. Кроме портрета императора Франца, написанного во весь рост. Мария Терезия любила покойного мужа. Он тоже был к ней привязан. Не только потому, что женитьба на дочери Карла VI вознесла герцога Лотарингского в императоры гигантской монархии. И династические браки бывают счастливыми...

Пауза затягивается. Кемпелен скользит взглядом по стенам кабинета. На гобелене вытканые собаки гонятся за вытканым зайцем. Он много раз видел это панно, но сегодня оно вызывает неосознанную тревогу.

Императрица отрывается, наконец, от бумаг. Взгляды скрещиваются. Один испытующий, внимательный, другой почтительный, но лукавый. Попробуй, перехитри такого, думает Мария Терезия, да этот мадьяр всех венских лис за пояс заткнет... Но на ее стороне власть, а значит, и сила.

- Поздравляю вас, Кемпелен, вы превзошли самого себя!
- Благодарю вас, ваше величество, но я всего лишь выполнял ваше пожелание...
- Положим, такого приказа я не давала. Да и кто мог предвидеть, что вам придет в голову!
- Мудрое правление вашего величества способствует расцвету искусств и ремесел.
- А что ваш турецкий паша – искусство или ремесло?
- И то, и другое. Это автомат.
- Значит, его действия должна направлять какая-то сила?

– Я восхищен вашей проницательностью! Механизм приводится в действие пружиной.

– Понимаю. Но возможно ли, чтобы разные там винтики и колесики соображали, подобно человеку?

– Признаю, в этом есть некая странность. Но не будь ее, заинтересовал бы автомат вас, ваше величество, и всех придворных?

– Не увиливайте, Кемпелен! Я знаю, вы большой искусник, но еще никому не удавалось отгадывать чужие мысли. Сидит там кто-нибудь из ваших дружков? Благоволите отвечать без обиняков!

– Игра в шахматы может быть основана на некоторых законах математики и механики...

– Математика, законы, – раздражается Мария Терезия, передразнивая собеседника. – Да если бы этому безмозглому истукану помогали даже вы, то все равно не смогли бы победить молодого Кобенцля. Он же лучший игрок в Вене!

– Но граф допустил ошибку.

– Но проклятый турок использовал ее!

– Этот ход сделал бы и ребенок...

– Послушайте, Кемпелен, вы хотите, чтобы я назначила экспертизу?

– Сочту за милость любой приговор!

Мария Терезия сникает. Что, если турок и впрямь настоящая машина, а Кемпелен – гений?

– Вы говорите правду?

Вопрос звучит почти мольбой. Это уже не приказание императрицы, а просьба женщины. Вот она, критическая точка!

Кемпелен делает глубокий вдох и торжественно разражается заранее отрепетированной тирадой:

– Ваше величество! Чудесные свойства машины основаны на смелости первоначальной идеи и удачном выборе средств создания иллюзии!

Мария Терезия подозрительно косится на собеседника. Выкручивается? Хитрит? Нет, на этот раз говорит правду. Побледнел. Глаза горят, как у одержимого. Что он сказал? Смелость... Иллюзия... Значит, все-таки фокус? Но зато – какой! Стоит ли ставить точки над *i*? Узнав секрет, она станет соучастницей обмана... Нет, нет! Нужно умерить любопытство.

– Что вы намерены делать с... гм-м... автоматом? – спрашивает она примирительно.

– Я был бы счастлив преподнести его вам, ваше величество!

– Ценю вашу шутку, милейший Кемпелен, – улыбается Мария Терезия, – ведь я могу принять дар только вместе с вами.

– Тогда разрешите увезти автомат в Прессбург.

У императрицы другие планы.

– Ни в коем случае! Вы будете показывать турка в Вене. Он станет австрийским чудом. Мы утрем нос французам!

Последние слова вырываются, словно крик души. В судьбу Кемпелена вмешалось извечное соперничество между Веной и Версалем. Неожиданная перспектива его смущает. Он ищет отговорку.

– Мне необходимо выехать в Банат, ваше величество.

– Вы же сами докладывали, что дела там налаживаются. Пока обойдутся без вас.

– Но...

Серые глаза Марии Терезии становятся холодными.

– Никаких «но»! – отрезает она. – Турецкий паша нам понравился. Я распорядилась выплатить вам вознаграждение.

Аудиенция окончена. Взгляд Кемпелена падает на гобелен. Неясная тревога вновь охватывает его сердце. В остеклевших заячьих глазах застыл тысячелетний ужас погони.

На следующий день вся Вена говорила о Кемпелене. Он стал самым популярным человеком в столице. Ни один вечер не обходился без демонстрации шахматного автомата. Вельможи наперебой приглашали изобретателя в свои особняки. Страницы газет пестрели описанием удивительной машины. Одно из них принадлежало Карлу Готлибу фон Виндишу, бургомистру Прессбурга, известному в те времена литератору, историку, географу.

«Предположение, что автомат управляется человеком, возникало уже в первые минуты демонстрации, – писал Виндиш. – Многие зрители были настолько в этом убеждены, что не стеснялись высказывать свои мысли вслух. Но всех нас ожидало потрясение, когда господин фон Кемпелен раскрыл настежь дверцы сундука. При этом он поворачивал автомат во все стороны, освещал его внутренность свечой, приподнимал одежды турка, разрешал зрителям заглядывать в любые щели. Когда же мне, несмотря на все старания, не удалось обнаружить ни одного подозрительного предмета величины хотя бы со шляпу, моему самолюбию был нанесен жестокий удар. Такое же чувство испытывали и остальные зрители, что красноречиво отражалось на их вытянувшихся лицах...»

Начиналась игра, право выступки всегда принадлежало автомату. При своем ходе турок поднимал руку, вел ее к выбранной фигуре, захватывал пальцами, переставлял на другое поле и возвращал руку в первоначальное положение, опуская на мягкую подушечку. Сбитую

фигуру он выносил за пределы доски и помещал на ее место свою. Кемпелен просил ставить фигуры аккуратно, в самый центр клетки, иначе турок мог «промахнуться» – захватить пальцами пустое пространство, что иногда и случалось. Если играющий против автомата либо по умыслу, либо по ошибке делал не предусмотренный правилами ход, турок энергично качал головой, возвращал фигуру на прежнее место... и продолжал игру, показывая тем самым, что недобросовестный или неумелый шахматист потерял право на очередной ход. Нападение на ферзя турок объявлял двумя кивками, шах или мат – тремя.

Когда партия заканчивалась, Кемпелен доставал из ящика шесть миниатюрных досок с заранее расставленными позициями и предоставлял зрителям возможность оценить шансы сторон. Затем предлагал выбрать любую из позиций и защищать любой цвет фигур, однако при условии, что игру начинает автомат. Не было случая, чтобы турок не довел ее до победы.

В заключение демонстрировался «ход коня». Кто-либо из зрителей помещал коня на любое поле доски, а турок обскакивал им все 64 клетки, ступая на каждую только по одному разу. Добровольцы вели запись ходов, но автомат никогда не ошибался.

Вена XVIII века

Представление длилось около часа, и все это время зрители не спускали глаз с изобретателя, подозревая, что он каким-то образом управляет действиями автомата. В нескольких шагах от автомата находился столик с небольшим деревянным ящичком. На вопросы зрителей Кемпелен отвечал, что это «главный секрет», без которого автомат играть не может.

Удивлению публики не было предела. Замешательство царило и в ученых кругах.

Фридрих фон Кнаус, директор императорского физико-математического кабинета, недолюбливал Кемпелена. Его раздражал этот человек, столь непохожий ни на вельмож, ни на университетских ученых. В глубине души Кнаус просто завидовал милостям, которыми императрица осыпала своего любимца, завидовал его энергии, широте интересов, даже рукам, быстрым и ловким, как у музыканта.

Вот он стоит у окна с таким невинным выражением лица, будто демонстрирует обыкновенный масляный пресс, а не самую удивительную в мире машину. Словно шутя опровергает законы природы. Или он запродавал душу дьяволу и питается таинственными формулами, известными лишь князю тьмы?

Нелепая мысль причиняет Кнаусу почти физическую боль. Все его существо страдает от издевательств над здравым смыслом. Не может автомат играть в шахматы! Это столь противоестественно, что, приволоки сюда размалеванную куклу кто-нибудь иной, проходимца выгнали бы на базарную площадь. Пусть дурачит невежд! Но Кемпелен... Советник ее величества, государственный муж, дорожащий своей репутацией...

О, Кнаус отлично знаком с принципами работы автоматов. На своем веку он повидал их немало. Ездил к самому Лоренцу Розенеггеру в Гейльбрунн. Незабываемое зрелище. Более ста фигур двигались самым натуральным образом. Видел он и андроиды Пьера Дро, вот только со знаменитым Вокансоном не довелось повстречаться... Да что Вокансон! Разве не он, Кнаус, сконструировал механические фигуры, пишущие пером по бумаге? А музыкант, играющий на флажолете?

Есть, однако ж, пределы и у механики, продолжает рассуждать Кнаус. Можно добиться весьма высокой точности в имитации произвольных движений живых существ, можно, используя различные комбинации клапанов, воспроизвести человеческий голос... Но заставить машину играть в шахматы – в это поверить просто невозможно. Но хочешь – верь, хочешь – не верь, а кукла в тюрбане передвигает шахматные фи-

гуры с полным знанием дела. Выигрывает у лучших игроков. Иллюзия? На это как-то странно и неопределенно намекает сам изобретатель. Но не ослепли же все разом! Он собственными глазами видел, что внутри никого нет! Да и размеры машины невелики. Три с половиной фута в длину, два в ширину, два с половиной в высоту. Кто в таком тесном пространстве останется незамеченным? Гомункулус, бред алхимиков? В чем же секрет? Неужто в этом, стоящем в стороне маленьком ящичке, как утверждает изобретатель? Старается отвлечь внимание, пустить мысль по ложному следу? Или он и впрямь управляет машиной на расстоянии? В последнее время столько разговоров о магнетизме!

Невеселые мысли Кнауса прерывает сильный голос придворного физика Финка.

– А нельзя ли, господин Кемпелен, передвинуть ящичек с главным секретом туда, где стоите вы?

– Извольте, – оборачивается Кемпелен и осторожно переносит таинственный ящичек на подоконник.

– Не будете ли вы так любезны занять место у другого окна?

– Нет ничего легче, – улыбается Кемпелен, меня наблюдательный пункт.

– Теперь попробуем передвинуть автомат в противоположный угол.

– Попробуем, – соглашается Кемпелен, откатывая машину.

В физико-математическом кабинете императорского дворца проводится экспертиза. На ней настоял Кнаус. Он был почти уверен, что Кемпелен всеми правдами и неправдами постарается избежать суда знатоков, но тот неожиданно дал согласие, и вот комиссии ученых предстоит вынести авторитетное суждение о шахматном автомате. Но к какому выводу они могут прийти, когда никто ничего не понимает! Сам Кнаус не сомневается, что все это обман, что ключ к разгадке где-то рядом. Но интуицию к протоколу не прилепишь, для обвинительного вердикта нужны доказательства, а их-то как раз и нет. Ни одного! Эх, поймать бы мошенника за руку!

Словно услышав немую мольбу оппонента, турок медленно протягивает свою неуклюжую руку и три раза кивает головой.

– Господа, – оборачивается профессор Розенцвайг, – мой король снова получил мат. Если демонстрация продлится еще полчаса, я успею проиграть добрый десяток партий.

– Вы огорчены? – саркастически спрашивает Кнаус.

– Во имя науки я готов проиграть хоть тысячу раз, но, по правде говоря, мне это чертовски надоело. Тем более что в моем мученичестве нет пользы. Хоть я и не ахти какой шахматист, все же испытываю нечто

вроде унижения. Homo sapiens не должен проигрывать homini artivici*! Может быть, господин Кнауус окажется удачливее?

– Мы собрались не для того, чтобы состязаться с шахматистом господина Кемпелена, а чтобы...

Кнауус не решается закончить фразу.

– Состязаться с господином Кемпеленом?.. Ведь именно это вы хотели сказать?

– А если и так?

– Вот и сыграйте с автоматом. Вы же убеждены, что им управляет изобретатель!

– А вы, господин Розенцвайг?

– Я убежден только в том, что автомат играет лучше меня... И лучше господина Кемпелена, – добавляет он многозначительно.

– Охотно допускаю, – вступает Кемпелен. – Ученик превзошел учителя. Разве не мечтает каждый механик создать андроид, более совершенный, чем оригинал?

Он подходит к автомату и аккуратно расставляет фигуры в боевом порядке.

– Было бы интересно, – замечает профессор Клюгер, до сих пор хранивший молчание, – если бы изобретатель сам сыграл со своей машиной. Сравнительная оценка поможет проверить предположение господина Розенцвайга, а также ответить на некоторые другие вопросы.

Кемпелен напускает на себя печальный вид.

– В свободные минуты, господа, я так иногда и поступаю. И, знаете, получаю огромное удовольствие. Партия с искусным противником весьма полезна для совершенствования шахматиста, она улучшает стиль игры. И все же я вынужден огорчить вас своим отказом. Я опасюсь, что человеческая гордыня или, как тонко ощутил господин Розенцвайг, болезненное самолюбие homo sapiens невольно побудят меня повлиять на игру автомата таким образом, что он начнет ошибаться, а это исказит истинное соотношение сил.

– Если я правильно понял, господин Кемпелен признает, что при желании может влиять на работу автомата...

– В той же мере, как часовых дел мастер может влиять на движение стрелок, заставляя их то спешить, то отставать.

– Но для этого ему необходимо регулировать механизм.

– Мсье Пелетье передвигал стрелки, не прикасаясь к часам.

– Он использовал магнит.

– Я имел в виду перемещение предмета, а не средство, которым оно достигается.

– Значит, вы не исключаете возможность управления игрой автомата посредством магнетизма?

– В вашем вопросе, господин Клюгер, заложена логическая ошибка. Поскольку мне известны и устройство, и принцип действия автомата, я не отрицаю, что при определенных условиях могу воздействовать на его работу. Но это отнюдь не означает, что я, во-первых, эту возможность реализую, а во-вторых, использую магнетизм.

– Тогда скажите, может ли автомат играть в ваше отсутствие?

Нашли дурака, думает Кемпелен. Да они разнесут автомат в щепы, едва я оставлю их наедине с турком! Впрочем... Им овладевает озорное чувство, ощущение могущества, упоение игрой. Он утрачивает осторожность.

– Согласен, господа! Но при одном условии: меня заменит помощник.

В зал приглашают Антона. В новом камзоле и кружевной сорочке он напоминает увальня из мольеровской комедии.

– Оставляю вас, господа, ровно на пять минут. – Кемпелен щелкает крышкой часов, засекая время. – Покорнейше прошу меня извинить, но будем считать этот эксперимент последним. Вечером я приглашен к графу Эстерхази.

«Чертов мадьяр», – шепчет Кнауус, непонятно кому адресуя свое проклятие – застывшему, словно статуя, Антону, удаляющемуся Кемпелену или ничего не ведающему венгерскому канцлеру.

Антон заводит пружину. Турок начинает игру. Кнауус настороженно прислушивается. Ничего подозрительного. Движения механической руки сопровождаются шелестом одежд, скрипом шарниров, приглушенным звоном металлических частей. Ни одного постороннего звука. Лишь огарок свечи рядом с шахматной доской потрескивает восковыми брызгами...

Свеча! – вздрагивает Кнауус. Для чего она? На дворе день, в зале светло, доска и фигуры прекрасно видны. Да и зачем автомату их видеть? Если это автомат...

Он достает носовой платок и, делая вид, что сморкается, направляет всю силу выдоха на мигающее пламя. Красный язычок испуганно отшатывается, фитиль изгибается кошачьим хвостом и тонет в лужице воска, распространяя сладковатый запах.

– Господин помощник! – резко оборачивается Кнауус. – Я случайно погасил свечу, нужно ли ее зажечь снова?

Антон стоит ни жив ни мертв, ощущая на себе пытливые взгляды. Такая оказия случается впервые.

– Это решит господин Кемпелен, – находится он наконец.

* Человеку искусственному (лат.).

– А разве вам не известно, для чего нужна свеча?

– Известно, – неосторожно срывается с языка. Бедняга, он еще не научился лгать господам...

– Благоволите объяснить!

Антон охватывается панический ужас. В глазах извиваются зеленые змеи. Ноги вязнут в липкой тине. Сердце опускается в живот. Вот так он тонул однажды в Дунае... Господи Иисусе! Где же хозяин?!

Скрежет механической руки приводит его в чувство. Все с изумлением глядят на турка, уже возвращающего руку на подушечку.

– Почему автомат делает два хода подряд? – восклицает Кнаус.

– Автомат играет по правилам, – спокойно замечает Розенцвайг. – Вы так неловко повернулись, господин Кнаус, что сдвинули локтем вот эту красную пешечку, стоявшую с края...

В дверях появляется Кемпелен.

– Как проходит сражение?

Молчание. Острый взгляд мигом схватывает всю картину. Напряженные лица. Несчастный Антон. Бесстрастный турок. Тлеющий фитилек кадит голубоватой стружкой.

– Мне кажется, господа, у вас возникли какие-то затруднения. Готов прийти на помощь.

– Вот свеча, – задумчиво говорит Финк.

– Что – свеча?

– Догорела, – констатирует придворный физик.

– Эка беда, – равнодушно пожимает плечами Кемпелен. – Антон принесет другую.

– А разве для работы автомата дневного света недостаточно? – Вкрадчиво спрашивает Кнаус.

– Автомат – не человек, – ледяным тоном произносит Кемпелен. – Свеча нужна на случай, если господа эксперты пожелают еще раз осмотреть внутреннее устройство машины.

Антон быстро и весело, словно вновь родившись, вносит зажженную свечу, бережно прикрывая пламя ладонью.

– Погодите, – останавливает его Кнаус. – Я предлагаю поставить свечу в другое место. Ну, допустим, рядом с главным секретом. Вы не возражаете, господин Кемпелен?

– Нисколько.

Подсвечник водружается на подоконник. Кнаус делает ход на доске автомата, Турок отвечает.

– А теперь неплохо бы опустить штору, – говорит Финк.

– Довольно! – отрезает Кнаус. Его нервы уже начали сдавать. – Вы, кажется, хотели еще раз показать нам внутреннее устройство машины?

Кемпелен берет свечу, подходит к автомату и открывает левую дверцу. Затем отодвигает створку окошечка, расположенного на задней стенке, освещая весь левый отсек. Отчетливо видны контуры рабочих узлов машины, отдельные детали механизма. Оставляя левую дверцу открытой, он снова выходит вперед, выдвигает нижний ящик с запасными фигурами, досками, инструментами, после чего распаивает правые дверцы и окошечко в задней стенке, освещая правый отсек. Небольшое свободное пространство обито черной материей, по углам просматриваются какие-то выступы, кронштейны. Дав зрителям время убедиться в том, что внутри сундука никто не прячется, Кемпелен разворачивает автомат и приподымает одежды манекена, обнажая деревянное туловище. В туловище также имеются окошечки и створки, а за ними стержни, втулки, передачи...

Так и стоит автомат с распахнутыми настежь дверцами, ставенками, окошечками, напоминая домик, неожиданно покинутый жильцами. И только турок, словно сказочный джинн, возвышается над его крышей.

Эксперты сгрудились вокруг, пожирая глазами убранство таинственного домика, пытаясь обнаружить его обитателей. Но тщетно. Ни звука, ни тени, ни следа...

– Господа, – говорит Кнаус, стараясь скрыть раздражение. – Поскольку признать шахматный автомат чистой машиной противоречило бы представлениям о свойствах материи, мы должны констатировать, что изобретатель пользуется некоей силой, в природе неизвестной.

– Если сила, о которой вы говорите, неизвестна господам экспертам, это отнюдь не означает, что она неизвестна природе, – возражает Кемпелен. – К тому же, допустив необъяснимое, господа ученые вынуждены будут признать наличие чуда, но ведь чудеса также не согласуются с их представлениями о свойствах материи?

– Но если господин Кемпелен, – замечает Кнаус, – открыл новую силу, науке неизвестную, почему он пренебрегает возможностью взять патент на свое изобретение?

– Благодарю вас, господа, я обдумаю ваше предложение.

Несколько раз собиралась экспертная комиссия, но ни к какому выводу не пришла и официальных документов не составила.

Между тем во дворце стали происходить удивительные вещи. Рядом с ломберными столиками появились шахматные. Путь к монаршему расположению лежал теперь через поля шахматных сражений. Был даже брошен клич: «Победить турка!» Но это никому не удавалось...

Слава Кемпелена шагнула далеко за пределы Австрии. На всех постоялых дворах многоязычной Европы, на рыночных площадях больших городов, во дворцах великих герцогов и князей не смолкали пересуды о необыкновенной машине и ее изобретателе. Состоятельные люди спешили в Вену, чтобы своими глазами увидеть знаменитое чудо. Иноземные послы настойчиво приглашали Кемпелена посетить их столицы, соблазняя милостью монархов, и искренне удивлялись, получая вежливый, по твердый отказ.

Тайна, окружающая шахматный автомат, обрастала легендами, будоражила умы. Всё больше людей вовлекалось в жаркие споры, все громче судачили о том, что дело нечисто. Но Кемпелен, казалось, ничего не замечал. Он снял в Вене особняк и демонстрировал турка в специально оборудованном зале, где все дышало чудесами и загадками. Подобно азартному игроку на волне удачи, он повышал ставку, не заботясь о последствиях.

ТЕНИ В РЯСАХ

«...Не поручусь за достоверность, но слышал я, будто Его Святейшество изволил выразить неудовольствие по поводу демонстрации шахматного автомата, о котором здесь рассказывают всяческие небылицы. Все, однако, сходятся на том, что изобретение машины, играющей в шахматы, подрывает веру во Всемогущего Господа нашего Иисуса, порождая опасные мысли о власти человека над природой, его способности творить по образу и подобию Божьему...»

Епископ Гарампи, папский нунций при венском дворе, перечитывает письмо своего ватиканского корреспондента и самодовольно усмехается. Он-то сразу понял, что шахматный автомат Кемпелена не чета механическим фигурам Дро, Вокансона, Кнауца и других еретиков! Господа ученые и те переполошились, экспертизу придумали. Где им с Кемпеленом тягаться! Ловко их мадьяр вокруг пальца обвел. Теперь все твердят о великом изобретении, а то и вовсе о чуде. Не такой уж он, Гарампи, простачок, чтобы в чудеса верить. Кому другому, а ему доподлинно известно, когда и по чьей воле они свершаются. Не по силам ношу взяли, господин придворный советник! Опасно неразгаданное чудо. Разоблаченное же *согам publico**, оно становится мишенью для насмешек. Императрица

* При всем народе.

Вена, XVIII век

тешится новой игрушкой, благоволит к Кемпелену, одаривает его милостями. Знает ли она про обман? Наверное, знает. И покрывает своей властью. Разумеется, она всегда может от него откеститься, но в разоблачении не заинтересована. Владея секретом, святой престол будет иметь против нее еще один, пусть небольшой, но все же козырь. И этот козырь можно при случае выложить. Пришла пора действовать. Усердие зачтется ему в заслугу.

Мечта о кардинальской шапке сладко ноет в груди. Желая продлить удовольствие, Гарампи раскрывает ларец и привычным движением нащупывает табакерку. Жирные пальцы ловко забивают щепотку зеленоватой пылицы в волосатую ноздрю, лицо сморщивается от щекотливого блаженства, но вожделенный чих застревает где-то в глубине мясистого носа. Он удваивает заряд и повторяет процедуру. Воздух сотрясается, как от пушечного залпа, жалобно дребезжат стекла.

– Вы меня звали, ваша светлость?

Сквозь слезы, застлавшие красные глазки, нунций с трудом различает своего секретаря.

– Вам, верно, почудилось, сын мой. Но коль уж вы здесь, скажите, не ждет ли меня человек, которого я велел вызвать?

Автор этой книги Виктор Львович Хенкин (1923-2010) – шахматный мастер, известный журналист и писатель, долгие годы сотрудничал с газетами «Комсомольская правда» и «Московский комсомолец», а также со всеми (!) отечественными шахматными изданиями второй половины прошлого и начала нынешнего веков. Ветеран Великой Отечественной войны, за боевые заслуги награжден орденом Красной Звезды.

Виктор Львович работал над романом «Одиссея шахматного автомата» около четверти века, проводя сотни, если не тысячи часов в библиотеках и архивах, чтобы как можно точнее воссоздать атмосферу далекого XVIII века. Ведь сюжет этой книги – не просто романтический вымысел автора, но и попытка исторического исследования одной из самых восхитительных мистификаций эпохи Просвещения, столь богатой на разного рода выдумки.

Стремясь к совершенству, Хенкин по многу раз правил и переписывал уже готовые, казалось бы, главы романа и, к огромному сожалению, так и не успел его дописать. Работу довела до конца его жена Татьяна Губарькова, с которой он всегда делился своими творческими замыслами, подробно обсуждал сюжетные линии.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	3
Часть первая. ВЕНА.....	5
Часть вторая. ПРЕССБУРГ	63
Часть третья. ПАРИЖ	125
Часть четвертая. ЛОНДОН	213
Часть пятая. ЛЕЙПЦИГ	305
Часть шестая. ДРЕЗДЕН	359
Часть седьмая. ПОТСДАМ	487
Часть восьмая. АВСТРИЯ	565
Послесловие	574
Эпилог	576

Приложения

После Кемпелена.....	578
Искусственный интеллект.....	614

УДК 794.1
ББК 75.581
Х38

ХЕНКИН Виктор Львович. «Одиссея шахматного автомата».
Москва, 2019, 624 с.
ISBN 978-5-907077-17-1

Сюжет этой книги – не просто романтический вымысел автора, но и попытка исторического исследования одной из самых восхитительных мистификаций эпохи Просвещения, столь богатой на разного рода выдумки. 250 лет назад выдающийся изобретатель Вольфганг фон Кемпелен сконструировал механического шахматного игрока, пра-пра-дедушку современных шахматных компьютеров. Автомат Кемпелена с огромным успехом гастролировал по всей Европе от Вены до Парижа и Лондона, обыгрывая вельмож и даже коронованных особ – Фридриха Великого и Наполеона. Попытки проникнуть в тайну автомата предпринимались неоднократно, нередко самыми злокозненными способами, ставившими под угрозу жизнь Кемпелена и его спутников...

Виктор Львович Хенкин (1923-2010), шахматный мастер, журналист и писатель, работал над романом около четверти века, пытаясь как можно точнее воссоздать атмосферу далекого XVIII века. Стремясь к совершенству, он по многу раз правил и переписывал уже готовые главы и так и не успел дописать свой роман. Работу довела до конца его жена Татьяна Губарькова, с которой Виктор Хенкин всегда делился своими творческими замыслами, подробно обсуждал сюжетные линии. Для любителей истории, шахмат и приключенческой литературы.

Редакторы *Владимир Барский, Сергей Воронков и Максим Ноткин*

Обложка *Галина Лупенко*

Верстка *Андрей Ельков*

Формат 60x90 1/16

Печать офсетная. Бумага офсетная. Заказ №

www.ruchess.ru/books/

По вопросам распространения обращаться
к Владимиру Барскому barsky@ruchess.ru

ISBN 978-5-907077-17-1

© В. Хенкин, наследники, 2019
© Федерация шахмат России